

РУССКОЕ ВРЕМЯ

Керамика Изборска

О раннеславянской коннице

«Пути» в картине мира средневековых скандинавов

Раннехристианская базилика Дуросторума

Скандинавский сюжет в культуре Щецина

Межплеменные пограничья в Брянском Подесенье

Заселение Западного Поморья в эпоху раннего средневековья

Животноводство и охота у жителей Пастырского городища

Водь в западноевропейских источниках XIII—XIV века

Убивали ли византийцы князя Святослава?

Биметаллические кресала

Древнерусская каменная пластика: из опыта систематизации

Адаптация православия в языческом мире Прикамья

Подунайские элементы в ювелирном искусстве Восточной Европы

Погребальные головные уборы у южных северян в X—XI вв.

Новый средневековый город у с. Тарасова в Молдове

«Домики мертвых» в юго-восточном Приладожье

Псковские длинные курганы: распределение вещевого материала

Мечи эпохи викингов с территории Беларуси

Главный редактор — канд. ист. наук **Марк Е. Ткачук**
Редактор-координатор — канд. ист. наук **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжик**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

- Г. Г. Атанасов** — докт.ист.наук (Археологический музей, Силистра, Болгария)
М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
С. В. Белецкий — докт.ист.наук, профессор (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
И. А. Борзияк — докт.ист.наук (Международный свободный университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
В. И. Боршевич — профессор (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинев, Молдова)
И. В. Бруяко — докт.ист.наук (Одесский археологический музей, Одесса, Украина)
Л. Б. Вишняцкий — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А. П. Горodenko — доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Е. Ю. Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. А. Дергачев — докт.ист.наук (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
А. О. Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В. Ю. Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния)
М. Казанский — докт. ист. наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция)
В. П. Кирилко — канд.ист.наук (Институт археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
А. А. Ковалев — чл.-корреспондент Германского археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
С. И. Коваленко — канд.ист.наук (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
И. В. Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К. К. Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. Л. Мыц — канд.ист.наук (Институт археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
Н. Д. Русев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
В. Н. Станко — докт.ист.наук, профессор (Николаевский государственный университет, Николаев, Украина)
Н. П. Тельнов — канд.ист.наук (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
О. В. Шаров — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
П. В. Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
О. А. Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М. Б. Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Revista Stratum plus. Nr.5. 2005—2009. Epoca rusă

Fondator: Universitatea „Școala Superioară de Antropologie”
Editor: „Stratum plus” P. P.
Certificat: nr. 227 din 24.11.2008

Redactor-șef — dr. în științe istorice Mark E. Tkacluk
Redactor-coordonator — dr. în științe istorice Roman A. Rabinovici
Secretar responsabil — dr. în științe istorice Leonid A. Mosionjnic

Fondatorul revistei — Alexei S. Tulbure

Prin Decizia Prezidiului Consiliului Național de Acreditare și Atestare al Republicii Moldova din 14 octombrie 2004 revista „Stratum plus” este recunoscută ca ediție de profil în domeniul științelor istorice.

Adresa: MD-2024. Republica Moldova, Chișinău, Zimbrului 10 a,
Universitatea „Școala Superioară de Antropologie”, revista Stratum plus.
Tel. (+373 22) 438-342; **E mail:** stratumplus@gmail.com; **E shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus — международный журнал по археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа», г. Кишинев, Республика Молдова.

Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной эпохе, либо отдельной достаточно актуальной научной проблеме.

Все материалы рецензируются.

*Издан при финансовой поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой*

**Редакторы номера — Сергей В. Белецкий,
Роман А. Рабинович**

Редколлегия номера:

Г. Атанасов

А. П. Городенко

Л. Грушина

А. Егорейченко

М. Казанский

Л. А. Мосионжник

Е. Николае

М. Пихо

Н. Д. Руссев

Н. П. Тельнов

О. А. Щеглова

Все права защищены.

© Университет «Высшая антропологическая школа»

© Обложка: Д. А. Топал

© Оригинал-макет: Л. А. Мосионжник, А. В. Фелькер, Ж. Б. Кроитор

Л.Д. Макаров

АДАПТАЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРЕ ПРИКАМЬЯ

L.D. Makarov. Adaptation of Christianity in Paganish Society of Kama Region.

Old Russian settlers brought new ideology on the territory of the Kama River Region – Slavic and Finnish paganism and Greek Christianity, as it is usually said about the finds of religious pendants, signs of temples, peculiarities of burials. Inculcation of Christianity had taken place during 3 main periods.

First period (10th – 13th centuries) is acquaintance (passive). In many respects it is characterized by accidental and elementary emergence of Christian attributes in the Kama Region. A part of these things were found in composition of necklaces in Finn-Perm burial places, possibly playing role of pendants, which were endowed with some sacred functions. Other things were worn with other pendants, but were considered Christian. They were found with their bearers.

Second period (13th – 16th centuries) is an active stage. It coincides with Old Russian population of Kama basin and bringing real Christianity among the local population, but with preservation of religious syncretism. It is characterized by decoration of Christian advents on territory of Volga's Bulgaria, Vyatka territory and the Great Perm. It is connected to a marked degree with missionary activity of first priests of this land including Stephan of Perm and Trifon Vyatskiy. This period is documented by findings of numerous Christian worship items. Christian funeral ceremony, which preserved separate pagan relicts, was confirmed.

Third period (17th – 19th centuries) is state one (massive). It is conditioned by processes of inner colonization of the Kama Region. This period was accompanied by different forms of Christianization of indigenous pagan inhabitants assisted by the state. It is characterized by active construction of churches and cloisters, inculcation of Christian morale, spirituality and culture in non-Russian society. Ritualism of Christian advents finally fixed and unified in this period. It was reflected also in archeological sources. Archaic elements remained in old-ceremony society. These elements also had influence on foreign material and spiritual culture.

Проблемы проникновения православной религии и взаимодействия ее с иноконфессиональным и, в частности, языческим миром давно уже являются предметом научного исследования. Достаточно вспомнить имена таких ученых и собирателей фольклора как И.М. Снегирев, С.М. Соловьев, В.И. Даль, А.Н. Афанасьев, С.В. Максимов, Н.М. Гальковский, Е.В. Аничков и многие другие. Для Прикамского региона громадное значение имеют труды Д.К. Зеленина, Г.Е. Верещагина, П.Н. Лупова. В советское время эти проблемы если и изучались, то исключительно с позиций исторического материализма и воинствующего атеизма, поскольку пытаться исследовать их с каких-либо других позиций было попросту опасно. Появление в 1980-е годы монографий Б.А. Рыбакова о славяно-русском язычестве и

древнерусском православии стало своеобразной вехой в истории изучения проблем религии и церкви, а 1000-летие русской церкви породило небывалый прежде интерес к этой тематике. Появились работы о взаимодействии православия и язычества, основанные преимущественно на археологических данных. Это публикации Е.А. Рябинина, Н.А. Макарова, А.Е. Мусина, посвященные не только о межэтнических взаимоотношениях славян и финнов, но и о контактах православия и язычества (Рябинин 1986: 74-76, 122-125; 1997; Макаров Н.А. 1991; 1997: 151-155; Мусин 2002). Прикамские материалы также позволили наметить основные пути решения проблем взаимодействия православия и язычества. Об этом писал В.А. Оборин, изучавший древности Урала и Верхнего Прикамья (Оборин 1990: 83-93), данный вопрос приходилось не

раз освещать и автору этих строк, исследовавшему материалы преимущественно Вятского края (Макаров 1988; 1993; 1993а; 1994; 1995; 1995а; 1996; 1997; 1998; 1999; 2000; 2001; 2003; 2003а; 2003б). Проблема разрабатывается и представителями других дисциплин – этнографии, литературоведения, истории, краеведения, искусствоведения (Владыкин 1994: 203-216; Зуева 1997; Шумилов 2001). К сожалению, некоторые из трудов представителей этих наук грешат субъективизмом и излишней заполитизированностью, что снижает ценность выводов, сделанных авторами.

Появление выходцев из Древней Руси на территории Прикамья означало также и привнесение сюда новой идеологии – славяно-финского язычества и греческого православия в древнерусском его варианте. Об этом свидетельствуют и письменные источники (крайне отрывочные), и данные археологии (культовые подвески, следы храмов, особенности погребального обряда). Внедрение православной веры пережило не менее 3-х этапов, датирующихся в разных регионах Прикамья не всегда одинаково.

Первый этап (X-XIII вв.) – ознакомительный (пассивный). Характеризуется во многом случайным и стихийным проникновением культовых вещей в бассейн р. Камы. В их числе кресты-подвески «скандинавского» типа X-XII вв., центр производства которых окончательно не выявлен (3 экз. и одно подражание в Верхнем Прикамье) (Макаров 2001: рис.76: 5, 11), кресты с выемчатой эмалью, производившиеся в XI – начале XIII в. в киевских мастерских (3 – Верхняя Кама, 2 – Чепца) (Макаров 2001: рис.65: 5, 6; 76: 2, 3, 10), и крестовключенные подвески XI-XIII вв. (3 – Чепца, 1 – Нижняя Кама) (Макаров 2001: рис.10: 13; 65: 1-3), обнаруженные преимущественно в родановских и чепецких захоронениях и служившие не столько православными символами, сколько украшениями в составе ожерелий, хотя и выполнявшими определенные сакральные функции (Мальм 1968; Фехнер 1968; Рябинин 1986: 123-124, табл.IV: 22-24; Макаров 1991: 11-13, рис.1: 1-3, 6-10; Мусин 2002: 178-180, рис.105-108). На этом этапе появляется также группа плоских или объемных крестов с оформлением концов в виде лопастей, валиков, шариков, треугольников, прямоугольников, большей частью выявленных на нижнекамских поселениях XI-XIV вв. (15 экз.), единично в Верхнем Прикамье (2 экз.) и на Чепце (1 экз.) (Макаров 2001: рис.9: 9-12, 14, 22; 10: 1-8, 25; 65: 4; 76: 1). Эти крестики также нередко носились в ожерельях, но православная их сущность сомнений не вызывает (Рябинин 1986: 75, 123-124, табл.IV: 25-33; Макаров 1991: 13, рис.1: 11-19; Мусин 2002: 180-184, рис.109-

112). Попадали они на Каму обычно с их носителями. Этим же путем поступали сюда, вероятно, и поливные яйца-писанки, либо их заготовки (без поливы), обнаруженные на поселениях Волжской Болгарии (Биляр – 4 экз., Измерское I и Семеновское I селища – несколько фрагментов), на Средней Вятке (Никулицын – 1 экз., без поливы), в Верхнем Прикамье (1 экз. из погребения на могильнике Анюшкар) (Макаров Л.Д. 2001: рис.11: 2; 16: 22, 23). Подобные изделия хорошо известны в Древней Руси XI – начала XIII в. Культ яиц, олицетворяющий источник жизни, был связан с весенними праздниками, в значительной степени поглощенными пасхой (Рыбаков 1987: 668-670; Макарова 1966: 141-145; 1968: 44-45). В Прикамье он обогатился новыми традициями, на Вятке, например, еще в XVIII в. зафиксировано катание глиняных шаров во время местного праздника «свистопляска», что бесспорно произошло от обряда катания яиц по земле с холма (Богуславская 1988: 16-21).

На этом этапе появляются и древнейшие типы крестов с прямыми углами средокрестия: каменные, сделанные из сланца (14 экз., XII-XIV вв. Волжская Болгария) и хрусталя (1 экз., вятский Никулицын, яма конца XII-XIII в.), янтарный и железный XIII-XIV вв. (по 1 экз., Ковровское городище Вятской земли), два бронзовых из Никулицына: один украшен жгутообразным орнаментом, известным на каменном кресте IX-X вв. из Англии (Мусин 2002: 159, рис.76), и крестиком на ушке (аналогичен находкам XII – первой половины XV в.), второй имеет похожий узор, но состоящий из змеиных тел, аналогов которому я не знаю, разве что сюжет на змеевиках. Два последних изделия сочетают в себе языческий декор и христианскую форму, отражая закланательно-магические представления вятчан периода «двоеверия». Об этом же говорят находки двух амулетов-змеевиков, отлитых в одной литейной форме в XIV в. (Макаров 2001: рис.58: 16; 65-11).

С XI-XIII вв. распространяются кресты с дугами средокрестия, имеющие криновидные и сечкообразные концы. Древнейшие из этих предметов имели соприкасающиеся боковые лепестки кринов (что превратило их центры в целые или неполные окружности) и 1-2 выпуклости по осевым (центральным) лепесткам кринов (Никулицын – 3 экз., Лаишево в низовьях Камы – 1 экз.) (Макаров 2001: рис.10: 10; 59: 1-3). В конце XIII – начале XV в. бытовали небольшие по размерам изделия с криновидными концами, имеющие в средокрестии изображения крестика в ромбе (Коврово – 5 экз., Нижняя Кама – 9 экз.), а чуть позже появились аналогичные им кресты большего размера, иногда украшенные по дугам насечками (Никулицын – 5 экз.). Крест

с сечкообразными концами, украшенными стилизованными крестиками, а в средокрестии – ажурным крестом в ромбе, обнаружен в жилище XIII в. Ковровского городища на Средней Вятке (Макаров 1996: 32, 39-40, рис.3: 16; 4: 1-12; 2001: рис.9: 13; 10: 11, 12, 15; 59: 4, 5-7).

На этом же этапе появляются и бытуют до XV в. энколпионы с прямыми и округлыми углами средокрестия, квадрифолийные (Средняя Вятка – 5 створок, 2 оглавия; Нижняя Кама – 12 створок, 2 оглавия; Верхнее Прикамье – 2 створки; Сытва – 1), а одно из изделий XIII–XIV вв. было покрыто разноцветной эмалью (Болгар) (Полубояринова 1993: 14-18, 73-89, рис.2: 5, 9-13, 15, 16; 28: 2, 4, 6; 29: 4, 5; 32: 3; Макаров Л.Д. 2001: рис.9: 2-4, 15-17, 20, 21: 10: 14, 20-24; 60; 76: 8, 12; 81: 4). В Прикамье обнаружены костяные каменные, янтарные, стеклянные и металлические иконки и образки (Средняя Вятка – 2 каменные XIII–XIV вв. и 3 металлические XIV–XV вв. (Макаров 1996: 42-43, рис.3: 9-11, 13-15; 2001: рис.58: 8, 10, 11, 13, 15); Нижнее Прикамье – 4 металлических XII–XIV вв., 3 каменных этого же времени, обломки янтарной XII–XIII вв., фрагмент стеклянной XII в. и костяная второй половины XIII в. (Полубояринова 1993: 19-22, 73-89, рис.2: 1; 3; 28: 1, 3; 33; Макаров 2001: рис.9: 1, 23-26; 11: 4, 6, 7, 10); Верхняя Кама – 2 бронзовых XII и XV вв. (Макаров 2001: рис.71: 9; 76: 4; Голдина, Кананин 1989: рис.64: 7); Чепца – бронзовая XII в. (Первухин 1896: табл. XI-19; Макаров 2001: рис.65: 12).

Погребальный обряд раннего этапа неплохо исследован только на Средней Вятке, он отражает переход от чисто языческих захоронений на древнейшей части Еманаевского могильника XII–XIV вв. (центральная часть в виде овала из могил с полной или частичной кремацией, кенотафами, захоронениями черепов, погребенных с согнутыми ногами, парным погребением, находками битой посуды, признаками в центре культовой постройки) к обычным православным на периферии некрополя. Возникший неподалеку на древнерусском селище Покста II (XIII – первая половина XIV в.) могильник Покста (вторая половина XIV – XV в.) отражает закрепление православных традиций: могилы с широтной ориентацией располагались по соседству с кладбищенской постройкой (церковью или часовней), во дворе ее или за оградой. Однако выявлены и языческие элементы: кальцинированные кости, угли, находки битой керамики в засыпи могильных ям, причем чаще они встречались за оградой постройки. Чрезвычайно архаичные черты обнаружены на Шабалинском могильнике, вероятно XII–XIV вв. (он полностью безынвентарен): малая глубина за-

хоронений (20-40 см, парные погребения, расчлененный костяк, по два черепа между ног умерших (2 могилы). Языческие пережитки зафиксированы на могильниках: Никульчинском I (угли на останках человека, скорченное захоронение, инвентарь в одной из могил), Хлыновском I (малая глубина могил), Усть-Чепецком (угли и битая посуда в засыпи, малая глубина погребений, остатки погребальных конструкций с использованием коры и бересты – явные заимствования древнеудмуртского ритуала) (Макаров 1990; 1996: 34-39, рис.5; 6; 1994: 157-169, рис.4-6; 2003).

Второй этап (XIII–XVI вв.) – подвижнический (активный). Совпадает с активным древнерусским заселением бассейна Камы и принесением реального православия в среду местного населения, хотя и с сохранением религиозного синкретизма. В это время возникают православные приходы, сначала на территории Волжской Болгарии и Вятской земли, о чем говорят не только находки культовых подвесок, но и храмовых атрибутов – церковной утвари (бронзовых деталей хоросов, цепочек, держателей лампад, кацей, подсвечников – Болгар, Искра, Хлынов, Никулицын) и следов построек (селище-могильник Покста) (Полубояринова 1993: 31-33; Макаров 1984: рис.7: 5; 1996а: 55-57; 2001: рис.12). Православный погребальный обряд окончательно утверждается, сохраняя отдельные языческие реликты и воспринимая некоторые черты ритуала у местного населения. Для этого периода характерно и начало миссионерской деятельности. Оно во многом связано с именем создателя епархии в Перми Вычегодской Стефана Пермского. По мнению В.В. Низова, основанному на исследовании источников и историографической традиции XIX в., святитель Стефан распространил свою деятельность и на бассейн Верхней Вятки, а возможно и Верхней Камы. Историк склонен доверять преданию о закладке Стефаном часовни в Слободском в 1396 г., который и считает датой основания города (Низов 1995: 56-60; 1995а: 6-9).

Бесспорное основание православных приходов в Перми Великой относится к 1455 г., когда епископ Питирим «приездил в Великую Пермь на Чердынню крестити к святой вере чердынцов», но «того лета шли на Пермь безверный вогуличи. Великую Пермь воевали, Питирима идущего к Перми поймали и убили». В 1462 г. новый пермский епископ Иона «добавне крести Великую Пермь постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести» (Вычегодско-Вымская 1958: 262). По мнению В.А. Обороина, «княжатами» названы представители коми-пермяцкой знати. Акция Ионы стала началом монастырской колонизации: в Чердыни строится

первый на Урале Иоанно-Богословский монастырь – усыпальница великопермских князей (Оборин 1990: 76). Крещенное население, однако, продолжало во многом придерживаться своей языческой веры, что побудило митрополита Симона направить в Пермь послание (1501 г.), в котором он увещевает пастырей соблюдать свои обязанности и наставлять новокрещенных в христианских добродетелях, а мирян – об оставлении языческих заблуждений: «А кумиром бы есте не отдельно служили, ни треб их не принимали, ни Воипелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и всех Богу ненавидимых тризниц не творите идолом, ни женитв незаконных не чините богумерзких» (Акты: 168). Отношения язычников к христианам принимали порой характер враждебных действий. Так трактуется, по крайней мере, исследованное В.А. Обориным на Искорском городище родовое святилище, у входа в которое обнаружено ритуальное погребение крещеного ребенка с черепом, пробитым топором и наконечником стрелы. Ученый считал, что ребенок был принесен в жертву местными язычниками, а затем похоронен в дубовом корытце на жертвенном очаге. Позднее на месте святилища, разрушенного в XV в., поставили православную часовню, к которой в день Параскевы Пятницы стекалось население окрестных деревень, совершая здесь трапезу и богослужение и бросая мелкие монеты, начиная с конца XVII в. Русско-пермские святилища возникали и в других местах Перми Великой, например у с. Пянтег и в урочище Модгорт (Оборин 1977: 80-81; 1990: 88-90). В.А. Оборин считал, что славянский языческий культ Перуна не только сохранился у русского населения, но и нашел широкое распространение у местных коми-пермяков (Оборин 1990: 84-93). В 1570 г. на земле остяков по р. Нижней Мулянке (левый приток р. Камы), чуть к югу от современной Перми, поселился монах Трифон (будущий Вятский), который начал проповедовать христианскую веру среди язычников и срубил священную ель на их жертвенном месте, однако был изгнан ими. Однако какая-то часть остяков все же крестилась, и труды Трифона не пропали даром. Большую пользу в деле укрепления христианства он принес, находясь уже на Вятке – создал Вятский Успенский монастырь, а за миссионерские подвиги он более не брался (Житие 1912: 29, 31-39, 44, 51; Марков 1996: 3-4).

На Средней Вятке, заселенной славяно-русским и древнеудмуртским населением, продолжался процесс этнического и культурного смешения, что предопределяло и сложение во многом синкретичной православно-языческой

системы взглядов. Не случайно, в посланиях митрополитов второй половины XV в. Ионы и Геронтия к вятчанам и вятскому духовенству содержатся обвинения в искажении православных обрядов, в брачных связях христиан с язычниками, в некомпетентности и невежестве служителей культа и неизвестном их происхождении. Независимость Вятской земли выразилась и в независимости ее церковной организации (Макаров 1994а: 313-314).

В рамках второго этапа оформляется новый вид нательных крестов: они изготавливаются в ассиметричных пропорциях – с поднятой сверху поперечной осью, при этом самые ранние из них имеют утяжеленную снизу вертикальную ось. В основном по вятским материалам выделяется две основные группы изделий. Группа I – кресты с парными выступами в верхней и нижней части вертикальной оси, объединяют 5 типов предметов: 1) с распятием И. Христа – XV – начало XVI в.; 2) костяной с изображением св.Сергия Радонежского (?), Верхнее Прикамье – XV в.; 3) с узкими парными выступами и 6-конечным крестом вместо распятия – XV в.; 4) нижний щиток в виде трех выступов-треугольников, один украшен плетенкой и надписью «ННКТЪ» – XV–XVI вв., два других с изображением 7-конечного креста с надетой на перекладине цатой – XVI–XVII вв.; 5) с изображением массивного 4-конечного креста; один имеет надпись «НИКА» XV в., два других имеют над изображением креста маленький крестик – XVI – начало XVII в. Группа II – кресты со щитком в нижней части, близкие типу 5 предыдущей группы, но утратившие выступы на верхней части вертикальной оси, два типа: 1) с изображением 8-конечного креста, опирающегося на Голгофу и надписями на всех четырех концах осей (в т.ч. на щитке «НИКА») (8 экз.) – конец XVI – начало XVII в.; 2) с изображением 4-конечного креста из двойных линий и надписью на концах горизонтальных осей «ІС ХС» (1 экз.) – конец XVI – середина XVII в. (Макаров Л.Д. 1996: 40-41; 2001: рис. 10: 9; 59: 13-20; 74: 5; 76: 7, 9).

Третий этап (XVII-XIX вв.) – государственный (массовый). Характеризуется процессами внутренней колонизации Прикамья, сопровождавшейся разными формами христианизации коренного языческого населения при содействии государства. Случаев добровольного крещения язычников было немного, чаще принимали православие коми-пермяки, находившиеся на более глубокой стадии обрусения. В XVIII в. был взят курс на массовое крещение язычников, сопровождавшийся нередко экономическим давлением и элементами насилия. Формально крестившиеся удмурты на самом деле христианами не

стали и в конце концов в большинстве своем вернулись в язычество. Лишь во второй половине XIX в. с практическим воплощением в жизнь системы Н.И. Ильминского, когда большое внимание уделено было народному образованию инородцев и воспитанию из их числа проповедников православия, внедрение христианства пошло более успешно, хотя основная масса новокрещенных осталась по существу на позициях «двоеверия». Этот период отмечен активным строительством церквей и монастырей, внедрением православной морали, духовности и культуры в нерусскую среду. В 1775 г. удмурты и некоторые другие народы Прикамья получили свою письменность, началась деятельность по переводу на местные языки богослужебной литературы, появились первые учебные пособия для детей (в 1867 г. опубликовал один из первых таких учебников – «Лыдзон» – священник с. Карсовайского Глазовского уезда Н.Н. Блинов), возникли первые литературные опыты и первые научные труды.

Рассматриваемый этап отмечен расколом Русской православной церкви (середина XVII в.), что нашло отражение в погребальной обрядности и культовой материальной культуре, в частности,

появились женские и мужские нательные кресты, отличающиеся и своим обликом и надписями от «никонианских» (Гнутова 1990: 25; Макаров 2003: рис.8: 13, 14, 31).

Интересно, что довольно много старообрядцев было среди коми-пермяков и удмуртов, нетрудно предположить, какой религиозный синкретизм возникал при этом, И если «никонианские» кресты достаточно четко следовали моде и стилям в искусстве (например, расцвет пышных барочных форм в XVII-XVIII вв., сменившийся более строгими, без излишеств, композициями, присущими классицизму XIX в., а во второй половине века появляются кресты, воспроизводящие ранние формы), то старообрядческого искусства литья крестов эти новшества не касались, они сохранили архаический вид до наших дней (Гнутова 1990: 26-27; Тетерятников 1993; 1993а). В этот период окончательно закрепляется и унифицируется обрядность в пределах православных приходов, что также нашло отражение в археологических источниках (Макаров 1990; 2003).

В заключение отмечу, что затронутая тема освещена здесь во многом схематично, она обширна до бесконечности и требует привлечения все новых и новых источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты 1841 – Акты исторические, Т. 1. СПб. № 112.
- Богуславская И. Я. 1988. Дымковская игрушка. Л.: Художник РСФСР. С. 336.
- Владыкин В. Е. 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, С. 384.
- Вычегодско-Вымская 1958. Вычегодско-Вымская (Мисанло-Евтихиевская летопись) // Историко-филологический сборник, Вып.4. Сыктывкар. С. 257-271.
- Гнутова С. 1990. «Крест святой, надежда искупления моего...» // Творчество, № 12. С. 24-27.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во. Урал. ун-та, С. 216.
- Житие 1912. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского Чюдотворца // Тр. ВУАК 1912 года. Вып. 1-2, отд. II. Вятка. С. 1-104.
- Зуева А. С. 1997. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск: Изд-во. Удмуртского ун-та, С. 372.
- Макаров Л. Д. 1984. Поселение Искра – новый памятник в бассейне р. Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск. С. 94-119.
- Макаров Л. Д. 1988. Идеологическая ситуация на Средней Вятке в эпоху русской колонизации // История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка. Чебоксары. С. 38-40.
- Макаров Л. Д. 1990. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII-XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С. 63-73.
- Макаров Л. Д. 1993. Взаимодействие язычества и христианства в Камско-Вятском междуречье в феодальную эпоху // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 133-134.
- Макаров Л. Д. 1993а. Славянские языческие амулеты со Средней Вятки // Плесский сборник, Вып. 1. Плес. С. 197-201.
- Макаров Л. Д. 1994. Особенности православия на Вятке в XII-XV вв. // История и культура Волго-Вятского края. Киров. С. 72-75.
- Макаров Л. Д. 1994а. О сословной структуре населения Вятской земли до конца XV в. (К постановке проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Ч. 1. М. С. 306-318.
- Макаров Л. Д. 1995а. Взаимодействие язычества и православия в Приуралье (II тыс. по РХ) // Церковная археология: в 3-х частях. Ч. 1. Псков. С. 116-118.
- Макаров Л. Д. 1996. Язычество и христианство в духовной жизни Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // ФУ, № 2. С. 23-49.
- Макаров Л. Д. 1996а. О древнерусских культовых постройках Вятской земли (XII-XV вв.) // Полевой симпозиум «Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь. С. 55-57.
- Макаров Л. Д. 1997. Древнерусская культовая пластика Вятской земли XII-XV вв. // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск. С. 157-158.
- Макаров Л. Д. 1998. Древнерусское православие в бассейне р. Камы в первой половине II тыс. // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Казань: Заман, С. 73-75.
- Макаров Л. Д. 1999. Проблемы адаптации православия в Прикамье (средневековые и новое время) // Тез. докл. 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. I. Ижевск. С. 10-11.
- Макаров Л. Д. 2000. У истоков православия в Прикамье (X-XVI вв.) // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы к республиканской научно-теоретической конференции. Ижевск. С. 17-21.

- Макаров Л. Д. 2001. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский ун-т», С. 143.
- Макаров Л. Д. 2003. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума, Т. 6. Новосибирск: Наука, С. 192-232.
- Макаров Л. Д. 2003а. Источники и основные этапы появления и утверждения православия в Прикамье // VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. Ижевск. С. 48-49.
- Макаров Л. Д. 2003б. Древняя Вятка: от язычества к православию // Православие на Вятской земле: Материалы научно-практической конференции. Киров. С. 4-10.
- Макаров Н. А. 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI-XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополя) // КСИА АН СССР, Вып. 205. М.: Наука, С.11-21.
- Макаров Н. А. 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII веках: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, С. 386.
- Макарова Т. И. 1966. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М. С.141-145.
- Макарова Т. И. 1968. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси, Вып. Е1-38 // САИ.
- Мальм О. А. 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М. С. 113-116.
- Марков А. Преподобный Трифон Вятский (Т. Д. Подвигаев. 1546-1612 гг.) // Преподобный Трифон Вятский: Библиографический указатель. Киров. С. 3-12.
- Мусин А. Е. 2002. Христианизация Новгородской земли в IX-XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», С. 272.
- Низов В. В. 1995. Миссионерская деятельность Стефана Пермского в Вятском крае // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. М. С. 56-60.
- Низов В. В. 1995а. Древнейшие известия о вятском городе Слободском // Материалы I научно-практической конференции, посвященной 490-летию первого упоминания о городе Слободском в актовых источниках. Слободской. С. 6-9.
- Оборин В. А. 1977. Использование русским населением в XV-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань. С. 80-81.
- Оборин В. А. 1990. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во. Иркутского ун-та, С. 168.
- Первухин Н. Г. 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР, Вып. 2. М. С. 13-121.
- Полубояринова М. Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.: Наука, С. 123.
- Рыбаков Б. А. 1987. Язычество Древней Руси. М.: Наука, С. 784.
- Рябинин Е. А. 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья Л.: Наука, С. 160.
- Рябинин Е. А. 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во. С-Пб. ун-та, С. 260.
- Тетерятников В. 1993. Найдено древнее руководство по отливке медных крестов // Русский вестник, № 34-35, С. 16.
- Тетерятников В. 1993а. Указы о медном и финифтяном мастерстве: (История публикации указов) // Русское медное литье, Вып. 2. М. С. 121-154.
- Фехнер М. В. 1968. Крестовидные подвески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М. С. 210-214.
- Шумилов Е. Ф. 2001. Христианство в Удмуртии: Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX в. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», С. 434.
- Makarov L. 1995. Pagan and Christian realia in the Culture of the Pre-Kama-region inhabitants in the II centum AD // Folk Belief Today. Tartu. S. 308-318.

Статья поступила в номер 30 января 2006 г.